

Следствием этого стало его внезапное озарение, и он насмешливо произнес:

— Руки этого Тан Цзинцзэ не настолько длинные, чтобы дотянуться до Приказа наказаний, он ведь чиновник без году неделя. Ван Цзыфэн, ах Ван Цзыфэн, ну и хорош же ты как старший соученик!

Разумеется, всё это выяснится лишь в будущем.

В тот момент Тан Шэнь ещё и не подозревал, что всего через несколько дней Цюй Сяо сгинет в казематах Приказа наказаний.

В ночь Праздника середины осени Тан Шэнь с лунными пряниками в лукошке отправился к Ван Чжэню: они заранее договорились провести этот вечер вместе в Резиденции министра, любуясь луной.

Шла середина восьмого месяца, осенний ветерок приносил приятную, освежающую прохладу. Ван Чжэнь велел поставить во дворе небольшой столик. Воздух был наполнен цветочным благоуханием, а свет луны лился, точно прозрачная вода, наполняя душу умиротворением. Тан Шэнь и Ван Чжэнь восседали во дворе, созерцая ночное светило. Тан Шэнь лакомился пряниками и попивал фруктовое вино. Сделав очередной глоток, он с удивлением вымолвил:

— Какое свежее и ароматное вино, выдержанное, но такое легкое! Редко выпадает случай испробовать столь дивный напиток. Старший брат, найдутся ли у тебя в запасах ещё кувшины?

Ван Чжэнь приподнял кубок и, устремив на него взгляд, ответил:

— Найдется. Раз младшему брату по вкусу, прихвати с собой пару кувшинов, когда будешь уходить.

Тан Шэнь просиял от радости:

— Превосходно!

В своей прошлой жизни Тан Шэнь не питал страсти к спиртному, а в этой ему по долгу службы приходилось пить часто, но древние хмельные напитки редко радовали вкусом: им не хватало либо крепости, либо изысканности. Все самые ценные вещи неизменно оказывались у Ван Цзыфэна, и коль скоро представилась возможность пригубить столь вкусное вино, Тан Шэнь был рад выпить больше обычного.

Тан Шэнь и не догадывался, что это фруктовое вино, при всем своем нежном и манящем аромате, обладало весьма коварным и мягким хмелем.

Вдвоем они созерцали луну, слагали стихи и смаковали вино. Осушив два кувшина, Тан Шэнь ощутил, как перед глазами всё поплыло. Смутно глядя на Ван Чжэня, он пробормотал:

— Кажется, я пьян... Смотрю на тебя, а вижу сразу двух старших братьев.

Ван Чжэнь и сам не ожидал, что Тан Шэнь столь легко захмелеет, и на мгновение замер от изумления. Но не успел он, как вдруг Тан Шэнь неожиданно произнес со всей своей серьезной интонацией:

— Ван Цзыфэн!

Сердце Ван Чжэня вздрогнуло, по коже пробежал мороз, а затем он с улыбкой качнул головой:

— Ты редко зовешь меня по второму имени, предпочитая обращаться «старший брат». Не думал, что, опьянев, ты все же осмелишься так меня окликнуть. Это редкий случай, так почему бы не повторить его еще несколько раз?

Тан Шэнь точно разобрал его слова и сразу же выкликнул несколько раз подряд:

— Ван Цзыфэн...

— Ван Цзыфэн!

— Ван Цзыфэн!

От этих возгласов у Ван Чжэня сладостно затрепетало в груди. Он держал кубок, не делая ни глотка, и лишь со слегка прищуренными глазами наблюдал за тем, как Тан Шэнь предается хмельному сумасбродству.

— Ван Цзыфэн.

— Хм?

— Поговори со мной.

— ...Что именно ты хочешь услышать?

Тан Шэнь долго размышлял и наконец выговорил:

— Спой мне песню.

Ван Чжэнь опешил.

Песню?

Он с беспомощным вздохом откликнулся:

— Не ведал за собой такого таланта. Но я умею играть на цине. Не хочешь ли послушать игру? Я одинаково хорошо исполняю «Феникс ищет феникса» и «Вечная память».

Тан Шэнь пристально взгляделся в Ван Чжэня и неожиданно произнес:

— У меня так кружится голова... Я хочу спать.

Ван Чжэнь едва успел нахмуриться, как Тан Шэнь выронил: «Ой, я сплю» — и тут же завалился набок, мгновенно погрузившись в сон. Это произошло настолько стремительно, что Ван Чжэнь лишь спустя несколько мгновений пришел в себя. Испытав одновременно смех и досаду, он позвал пажу, намереваясь отправить Тан Шэня отдыхать. Прибежавший мальчик подхватил Тан Шэня под руки и уже сделал пару шагов, как Ван Чжэнь остановил его.

Паж замер и с недоумением воззрился на своего господина.

Ван Чжэнь оглядел пьяного юношу и произнес:

— Я сам понесу его на спине.

Слуга растерялся, но помог переложить Тан Шэня на спину Ван Чжэню. Ван Чжэнь подхватил

Тан Шэня за руки, дав ему обнять себя за шею, поднялся и медленным, раздумчивым шагом понес обмякшее тело в гостевую комнату. На полпути между своим двором и покоем для гостей он на несколько мгновений замешкался, но в итоге всё же направился к гостевой и заботливо уложил Тан Шэня в постель.

Тан Шэнь и впрямь был мертвецки пьян.

Ван Чжэнь некоторое время стоял у изголовья, молча взирая на него, а затем наклонился и слегка щипнул юношу за щеку.

— Позовешь еще разок Ван Цзыфэна?

Ответом ему служило лишь мерное, спокойное дыхание.

Погладив напоследок щеку Тан Шэня, Ван Чжэнь покинул комнаты, поскольку его ждал управляющий с докладом. Однако на этот раз даже он не мог вообразить, что спустя пару мгновений после его ухода Тан Шэнь резко откроет глаза. В голове все еще шумело, а на щеках пылал пьяный румянец, но сквозь туман опьянения Тан Шэнь вдруг ощутил удивительную ясность мыслей.

Он поднял руку и прикоснулся к щеке — ровно в том месте, где её только что щипал Ван Чжэнь.

В душе Тан Шэня бушевали бурные волны, которые никак не могли улегаться. Стоило ему сомкнуть веки, как в памяти с новой силой вставал образ Ван Чжэня, держащего в руках кубок. В залитом луной дворе этот человек казался не простым смертным, а сошедшим на землю небожителем. Однако чувства, застывшие в его глазах, были столь густыми и глубокими, что Тан Шэню становилось не по себе.

Когда первый возглас «Ван Цзыфэн» сорвался с его губ, это действительно произошло под действием хмеля, и Тан Шэнь сам обомлел от собственной дерзости. Он ни с того ни с сего повторил это имя еще пару раз, но затем к нему вернулся разум. Он понимал, что проявлять подобное неуважение к Ван Чжэню недопустимо и чревато обидой, но никак не ожидал, что тому это, напротив, пришлось по душе.

Так все постепенно и зашло слишком далеко.

Тан Шэнь закрыл глаза, и в его ушах вновь зазвучал нежный, мягкий голос Ван Чжэня.

Внезапно в его сознании вспыхнули слова Су Вэньюня:

«Потому что Ван Цзыфэн питает любовь Лунъяна!»

Эти слова громовым эхом отозвались в ушах Тан Шэня.

В тот день в управе Ючжоу Су Вэньюнь поддался его доводам и решил, будто сам неправильно истолковал поведение Ван Чжэня. Но в душе Тан Шэня с тех пор запало зерно сомнения. И теперь это зерно пустило корни и проросло. Прикасаясь к собственной щеке, Тан Шэнь чувствовал, как пылает кожа под его ладонью — пылает так, что не унять, а в груди отчаянно колотилось сердце, захлестывая его чувствами, природу которых он не в силах был понять.

— Ван Цзыфэн... — вырвалось из его горла лишь хриплое шептание.

Пользуясь оставшимся хмелем, Тан Шэнь предавался беспорядочным думам. Он действительно никак не мог постичь, что за человек этот Ван Цзыфэн.

В это же время Ван Чжэнь вошел в свой кабинет. Его одежда успела пропахнуть винным перегаром Тан Шэня, поэтому он переоделся в белое шелковое ханьфу, сбросив с себя налет чиновничьей среды и обретя изящное благородство, присущее выходцам из древних семейств. Заметив ждавшего его человека, Ван Чжэнь ничуть не удивился и лишь спросил:

— Что удалось разузнать?

— Отвечая господину: ваш слуга пробыл в Цзиньлине несколько месяцев и действительно выведал кое-какие сведения.

— Излагай по порядку.

И действительно, этот человек был верным слугой, которого Ван Чжэнь намеренно отправил в управу Цзиньлин несколько месяцев назад.

Цзиньлин изначально являлся вотчиной и главным оплотом, который удерживал клан Ван из Ланъя, и любое движение в этих краях Ван Чжэнь мог отследить без малейшего труда. Однако пять лет назад Лян Сун действовал в Цзиньлине с предельной осторожностью, поэтому Ван Чжэню пришлось потратить немало сил, чтобы докопаться до истины. Выслушав сказанное, Ван Чжэнь долго сидел в кресле, погруженный в глубокое и нерушимое молчание.

Закончив доклад, слуга добавил:

— Есть и ещё одно дело.

Ван Чжэнь продолжал молчать.

Слуга поднял взор:

— Старший молодой господин? — он ненароком навал Ван Чжэня по его старшинству в клане Ван из Ланъя.

Ван Чжэнь опомнился:

— Хм?

Слуга почтительно продолжил:

— Несколько дней назад, когда я собирался покинуть Цзиньлин, мне довелось случайно встретить человека на улице. Им оказался Яо Сань, слуга господина Тана. Я уже видел этого Яо Санья подле господина Тана, а потому проявил осторожность и потратил пару дней на то, чтобы выяснить, с какой целью Яо Сань прибыл в управу Цзиньлин.

Этот слуга с малых лет сопровождал Ван Чжэня и исполнял его поручения. Множество дел он умел улаживать в лучшем виде без лишних указаний и пользовался искренним расположением своего господина — иначе его бы не отправили в Цзиньлин.

Слуга промолвил:

— Этот Яо Сань явился в управу Цзиньлин, чтобы навести справки о фэйцивэе по имени Цюй Сяо. Раскопав чуть больше, я выяснил, что Цюй Сяо чрезвычайно жаден до денег и, похоже,

подвергся импичменту, из-за чего еще полмесяца назад покинул управу Цзиньлин и направился в Шэнцзин.

Ван Чжэнь мгновенно заподозрил неладное:

— Ты утверждаешь, что он прибыл в Шэнцзин еще полмесяца назад?

— Именно так, ваш слуга воспользовался связями, которыми располагает клан Ван, и выяснил всё прямо в управе Цзиньлин.

Ван Чжэнь поднялся и сделал несколько шагов по кабинету, затем остановился и, повернувшись, спросил:

— А этот Яо Сань тебя не заметил?

— Нет, к тому же Яо Сань вовсе не знает вашего слугу в лицо.

Ван Чжэнь тяжело вздохнул:

— Я понял. Можешь идти.

— Слушаюсь.

На следующее утро Тан Шэнь сделал вид, будто был пьян без памяти, и с искренним смущением обратился к Ван Чжэню:

— Вчера вечером я выпил лишнего и совершенно не помню, что творил, а очнулся уже в гостевой комнате. Прежде я никогда так не напивался и понятия не имею, каков я во хмелю. Надеюсь, я не обронил ничего неподобающего и не обидел старшего брата?

Ван Чжэнь поначалу не придавал значения вчерашнему происшествию, искренне полагая, что Тан Шэнь пьян. Но кто бы мог подумать, что Тан Шэнь выдаст себя с головой столь неловкими оправданиями? В душе Ван Чжэня тут же вспыхнуло подозрение. Он внимательно вглядывался в Тан Шэня пару мгновений, а затем с улыбкой произнес:

— Вовсе нет.

Тан Шэнь перевел дух:

— Ну и славно.

Едва Тан Шэнь удалился, Ван Чжэнь подозвал слугу и подробно расспросил о том, как Тан Шэнь вел себя после пробуждения. К сожалению, на основе одних лишь этих сведений он пока не мог с уверенностью разгадать, притворялся ли Тан Шэнь пьяным.

<http://bllate.org/book/18292/1757426>